

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ВЫСЫЛКА ДЕЯТЕЛЕЙ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В 1922 Г.

© 2008 г. Л. Г. Берлявский¹

Одним из наиболее известных событий в истории отечественного государства и права начала 20-х годов XX в. была административная высылка представителей научной интеллигенции, относительно степени исследованности которой даны разнообразные оценки. Так, В.В. Сапов считал, что история высылки в 1922 г. из Советской России большой группы интеллигенции не исследована и не написана². М.С. Геллер (Франция) уверен, что за минувшие полстолетия историки немного прибавили к скупой и неправильной информации ГПУ³. С точки зрения А.Н. Артизова, операция по отстранению от работы и высылке за рубеж или в отдаленные районы страны инакомыслящих деятелей науки и культуры летом и осенью 1922 г. до недавнего времени оставалась “белым пятном” в советской истории, изучение этой темы было запрещено⁴. На собственно законодательные основы высылки впервые обратил внимание Ю. Фельштинский⁵.

Нет окончательной ясности относительно численности высланных, колеблющейся от 150 до 500 человек⁶. В частности, Ш. Фитцпатрик указывала, что осенью 1922 г. были депортированы от 100 до 150 “антисоветски настроенных юристов, литераторов и профессоров”, случайно отобранных из числа руководителей либеральной интеллигенции⁷, Д. Жоравски пришел к выводу, что

высылке подвергся 161 ученый, в основном социальные теоретики и философы⁸.

Спорен также вопрос об авторстве самой идеи административной высылки как специфического вида наказания. Большинство авторов указывали в этом плане на Л.Д. Троцкого и Г.Е. Зиновьева⁹, Д.А. Волкогонов и В.А. Куманев – на И.В. Сталина¹⁰. Мысль о непосредственной причастности к этому лидера большевистской партии В.И. Ленина звучала в 90-х годах все настойчивей и находила подтверждение в архивных материалах¹¹.

В историко-юридической литературе указывается, что бессрочное изгнание из пределов РСФСР практически не применялось до принятия Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. (к такой мере прибегали в административном порядке, например, известный “философский пароход”)¹². Собственно, как вид уголовного наказания высылка открывала главу “Роды и виды наказаний и других мер социальной защиты” УК РСФСР, вступившего в силу 1 июня 1922 г. Однако на практике все высланные депортировались не в результате уголовного преследования и не на основании судебного приговора, а в административном порядке – по решению исполнительной власти, без какого-либо судебного разбирательства и уже после введения в действие УК РСФСР.

10 августа 1922 г. ВЦИК принял Декрет “Об административной высылке”, согласно которому высылка в административном порядке устанавливалась “в целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям”, в отношении которых испрашивалось у Президиума ВЦИК разрешение на изоляцию свыше двух месяцев и в тех случаях, “когда имеется возмож-

¹ Заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Ростовского государственного экономического университета, доктор исторических наук, профессор.

² См.: Сапов В.В. Высылка 1922 года: попытка осмысления // Соц. исследования. 1990. № 3. С. 112.

³ См.: Геллер М.С. “Первое предостережение” – удар хлыстом. К истории высылки из Советского Союза деятелей культуры в 1922 г. // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 38.

⁴ См.: “Очистим Россию надолго”. К истории высылки интеллигенции в 1922 г. / Вступит. статья, комментарии и подготовка документов к публикации А.Н. Артизова // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 65.

⁵ См.: Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. М., 1991. С. 118–119.

⁶ См.: Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. С. 268; Трубецкой С.Е. Минувшее. М., 1991. С. 321; Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. С. 141; Гак А.М., Массальская А.С., Селезнева И.В. Депортация инакомыслящих в 1922 г. (Позиция В.И. Ленина) // Кентавр. 1993. № 5. С. 89 и др.

⁷ См.: Fitzpatrick S. The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia. London, 1992. P. 51.

⁸ См.: Joravsky D. Cultural Revolution and the Fortress Mentality // Bolshevik Culture and Order in the Russian Revolution. Bloomington, 1985. P. 99.

⁹ См.: Попов В.А. Возвращение Федора Степуна // Вестник РАН. 1992. № 4. С. 149.

¹⁰ Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. В 2-х кн. Кн. 1. М., 1989. С. 237; Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991. С. 18, 29.

¹¹ См.: Гак А.М., Массальская А.С., Селезнева И.В. Указ. соч. С. 86–89.

¹² См.: История отечественного государства и права. Ч. 2 / Под ред. О.И. Чистякова. М., 2002. С. 225.

ность не прибегать к аресту”. Рассмотрение вопросов о высылке возлагалось на Особую комиссию при наркомате внутренних дел под председательством наркома. Высланные лишались избирательного права и поступали под надзор ГПУ¹³. 3 января 1923 г. вступила в действие подписанная Ф.Э. Дзержинским “Инструкция по применению постановления ВЦИК об административной высылке за границу и внутренней высылке”¹⁴.

В самом тексте Декрета ВЦИК содержалось существенное противоречие: в п. 1 указывалось, что высылка осуществляется за границу или в определенные местности РСФСР, а п. 6 четко определял, что срок административной высылки не может превышать трех лет. Если следовать букве Декрета, то и высланные за границу имели право вернуться через три года. Между тем, их высылка бессрочно, с арестованных была взята подписка с обязательством не возвращаться в Советскую Россию. Ю.И. Айхенвальд, давая подписку, указывал в ней, что предупрежден о применении к нему ст. 7 Уголовного кодекса РСФСР, карающей за самовольное возвращение в пределы РСФСР высшей мерой наказания¹⁵.

Основную работу по подготовке к высылке возложили на ГПУ, которое уже имело в этом деле некоторый опыт¹⁶. Еще в мае 1921 г. в целях выявления инакомыслящих в важнейших государственных учреждениях страны (в том числе, в наркоматах и университетах) были созданы “бюро содействия” работе ВЧК, члены которых из числа партийных и советских руководителей (коммунисты с не менее чем 3-летним партийным стажем) собирали разнообразную информацию об антисоветских элементах в своих учреждениях. Кроме того, в их обязанности входило наблюдение за проведением съездов, собраний и конференций. Информационные материалы “бюро”, являясь строго секретными, концентрировались в 8-м отделении Секретного отдела ВЧК-ГПУ.

Непосредственное проведение мероприятий по высылке ученых и специалистов в ГПУ возложили на 4-е отделение Секретного отдела, отвечавшее за “работу с интеллигенцией”. Несколько позднее в центральном аппарате ГПУ на базе этого отделения было создано “особое бюро по административной высылке антисоветской интеллигенции”, аналогичные бюро были образованы в аппаратах полномочных представителей

губодтделов ГПУ¹⁷. Ф.Э. Дзержинскому было предоставлено право вносить изменения в список выслаемых¹⁸.

Рассматривая обстоятельства высылки, следует указать, что она готовилась в непосредственной связи с уголовным преследованием политических противников Советской власти из социалистического лагеря: меньшевиков и эсеров. 7 января 1922 г. И.С. Уншлихт предъявил постановление президиума ВЧК содержащимся в Бутырской тюрьме меньшевикам¹⁹. В конце февраля 1922 г. в Москве было объявлено о предстоящем судебном процессе над правыми эсерами. 16 июля 1922 г. В.И. Ленин направил И.В. Сталину письмо о том, что необходимо осуществить решение высшего советского руководства о высылке оппозиционно настроенных к Советской власти представителей интеллигенции и о том, что все мероприятия следует провести быстро, до окончания судебного процесса над эсерами²⁰.

Серьезным фактором был рост авторитета ученых, принявших активное участие в борьбе с голодом в 1921–1922 гг. Статус общественного Всероссийского комитета помощи голодающим (Помгола) был утвержден ВЦИК, председателем его был назначен председатель Моссовета Л.Б. Каменев, а почетным председателем избран писатель В.Г. Короленко. В составе “Помгола”, деятельность которого стала беспрецедентным в истории СССР случаем предоставления широкой автономии общественной организации, были широко представлены научные круги России: президент Академии наук А.П. Карпинский, вице-президент В.А. Стеклов, академики П.П. Лазарев, А.Е. Ферсман, Н.С. Курнаков, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, профессора А. Чайнов, Н. Кондратьев и др.²¹ При Комитете действовала ячейка коммунистов из 12 человек: А.В. Луначарский, М.М. Литвинов и др.

Комитет был наделен широкими полномочиями: правами образовывать свои отделения на местах и за рубежом, приобретать в России и за границей продовольствие, фураж, медикаменты, распределять их среди голодающих²². Уже в июле 1921 г. почетный председатель “Помгола” В.Г.Короленко пришел к выводу, что «у нас, вме-

¹⁷ Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 66.

¹⁸ Постановление Политбюро ЦК РКП (б) о предоставлении Ф.Э.Дзержинскому права вносить изменения в список выслаемых. 24 августа 1922 г. // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 92.

¹⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 2. Д. 46. Л. 9–10.

²⁰ См.: РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1338. Л. 1–1 об.

²¹ См.: Просим освободить из тюремного заключения / Сост.: В. Гончаров, В. Нехотин. М., 1998. С. 165–167.

²² Геллер М., Некрич А. Утопия у власти // Даугава. 1990. № 12. С. 75.

¹³ См.: Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 51. Ст. 646. С. 813–814.

¹⁴ См.: *Фельштинский Ю.К.* Указ. соч. С. 118–119.

¹⁵ См.: Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 67.

¹⁶ См.: “Философский пароход”. Высылка ученых и деятелей культуры из России в 1922 г. / Пред. В.С. Христофорова // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 134.

сто свободы, все идет прежним путем: одно давление сменилось другим, и вот вся наша “свобода”»²³. Ректор Московского зоотехнического института профессор М.М. Щепкин, арестованный карательными органами в числе других членов Комитета помощи голодающим по обвинению в контрреволюционной деятельности, на следствии признал, что отдельные члены комитета в неофициальной обстановке высказывались о возможности падения советской власти из-за голода и разрухи²⁴. Последовавшие в августе 1921 г. аресты московских профессоров, сотрудничавших с “Помголом”, продемонстрировали негативную оценку властями гуманитарной акции ученых в помощь голодающим.

Кроме этого, практическое осуществление новой экономической политики породило у ученых определенные надежды на возможную политическую либерализацию. При этом деятели науки не избегали острых оценок, откровенно обозначали свои политические взгляды. Например, известный теоретик права И.А. Ильин в речи на заседании Московского юридического общества весной 1922 г. охарактеризовал переживаемое время как деспотию интернационалистов, хозяйственную опустошительность коммунизма²⁵. П.А. Сорокин в речи в Петербургском университете в феврале 1922 г. выступал за “чистую науку, обязательную для всех, кроме дураков, не лакействующую ни перед кем”, против “буржуазных” и “пролетарских” суррогатов науки²⁶.

В опубликованной в феврале 1922 г. правдинской заметке “Кадеты за работой” утверждалось, что “профессора ВУЗов ведут бешеную кампанию против Советской власти”; опирающиеся исключительно на веяния нэпа, они разыгрывают предгенуэзскую комедию борьбы за “автономию” высшей школы²⁷. Обращает на себя внимание увязка борьбы профессоров за академическую автономию с надеждами на усиление роли оппозиции в условиях борьбы СССР за дипломатическое признание. Обзор ГПУ политико-экономического состояния РСФСР по округам за март 1922 г. зафиксировал наибольшее оживление в кадетских группах высших учебных заведений²⁸.

²³ Короленко В. Если возможен еще выход для России, то он только в одном: в возвращении к свободе // Родина. 1989. № 3. С. 71.

²⁴ Костиков В. Прожить проклятый год // Совершенно секретно. 1990. № 6. С. 11.

²⁵ См.: Ильин И.А. Наши задачи. Избр. статьи // Юность. 1990. № 8. С. 61.

²⁶ См.: Сорокин П.А. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. С. 245–247.

²⁷ См.: Кадеты за работой // Правда. 1922. 17 февр.

²⁸ См.: “Философский пароход”. Высылка интеллигенции из Советской России в 1922 году. М., 2003. С. 1.

Даже находясь под следствием в ГПУ, многие ученые не отказывались от своих воззрений. Так, в протоколе допроса от 19 августа 1922 г. отмечено: Н.А. Бердяев заявил, что он не сочувствует политике советской власти относительно высшей школы, “поскольку она нарушает свободу науки и преподавания и стесняет свободу преподавания философии”²⁹. Подобное политическое свободомыслие не могло не тревожить власти, так как при нэпе продолжали существовать вполне легальные возможности обнародования своих взглядов. К примеру, в ноябре 1921 г. была разрешена деятельность частных издательств, число которых в Москве составляло 220, а в Петрограде – 99³⁰.

19 мая 1922 г. В.И. Ленин обратился к Ф.Э. Дзержинскому по “вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции... Надо поставить дело так, чтобы этих “военных шпионов” изловить и излавливать постоянно и систематически высылать за границу”. В письме упоминались закрытый в Петрограде журнал “Новая Россия” и враждебно настроенные по отношению к Советской власти сотрудники журнала “Экономист”³¹.

Вскоре, 21 мая 1922 г. нарком здравоохранения Н.А. Семашко направил письмо членам Политбюро ЦК РКП (б) об опасных антисоветских течениях, проявившихся на 2-м Всероссийском съезде врачебных секций при ЦК профсоюза Всемедикосантруда, широко распространенных среди интеллигенции и старых специалистов и опасных в период переустройства советской системы и проведения нэпа. В письме предлагалось с помощью ГПУ “изъять верхушку” оппозиционного съезда и некоторых местных врачебных обществ. В.И. Ленин запиской на данном письме, адресованной И.В. Сталину, предложил ознакомить с предложениями Семашко всех членов Политбюро для выработки на уровне ГПУ соответствующих директив³².

Обращает на себя внимание выполненная на этом же письме вслед за записью В.И. Ленина резолюция М.П. Томского: “Воздерживаюсь, ибо вопрос съезда врачей требует иной постановки дела. Во многом виноваты мы сами и в первую голову т. Семашко”³³. Из этого можно сделать вывод, что в высшем советском партийно-государ-

²⁹ См.: Протокол допроса Н.А. Бердяева. Отдел секретный. 18 августа 1922 г. // История России 1917–1940. Хрестоматия / Под ред. М.Е. Главацкого. Челябинск, 1994. С. 202–203.

³⁰ См.: Голанд Ю. Политика и экономика: очерки общественной борьбы 20-х годов // Знамя. 1990. № 3. С. 124.

³¹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23211. Л. 1. 1 об, 2, 2 об.

³² РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23224. Л. 1-1 об.

³³ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

ственном руководстве не было единства по проблеме “изъятия верхушки” интеллигенции. Поэтому представляется недостаточно обоснованной позиция М.Е. Главацкого о том, что решение о высылке было принято до 19 мая 1922 г.³⁴

Только через пять дней после письма В.И. Ленина от 19 мая 1922 г. на заседании Политбюро было решено поручить Ф.Э. Дзержинскому с участием Н.А. Семашко выработать план мер в связи с Всероссийским съездом врачей³⁵. 1 июня 1922 г. ГПУ за подписью особоуполномоченного Я. Агранова была направлена докладная записка в Политбюро ЦК РКП (б) “Об антисоветских группировках среди интеллигенции”, в которой утверждалось, что антисоветская интеллигенция широко использует открывшиеся ей возможности организации и собирания своих сил, созданные мирным курсом и ослаблением деятельности репрессивных органов. Борьба за автономию высшей школы была охарактеризована в этом документе как имевшая исключительно политические цели. В качестве “орудий борьбы” антисоветской интеллигенции были названы частные общества (научные, торгово-промышленные и др.), частные издательства и периодическая печать, съезды и всероссийские совещания спещов³⁶.

Исходя из этих данных ГПУ, Политбюро 8 июня 1922 г. предложило ВЦИК издать постановление о создании особого совещания из представителей НКВД и НКЮ, которому предоставить право в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к более суровому наказанию, заменять его высылкой за границу или в определенные пункты РСФСР. Для окончательного рассмотрения списка “подлежащих высылке верхушек враждебных интеллигентских группировок” образовывалась комиссия в составе И.С. Уншлихта, Л.Б. Каменева, Д.И. Курского³⁷.

22 июня 1922 г. Политбюро ЦК РКП (б) приняло по докладу И.С. Уншлихта постановление о высылке группы делегатов Всероссийского съезда врачей за использование ими служебного положения для антисоветской агитации³⁸. В этот же день Политбюро разослало губкомам партии письмо с разъяснением о том, что на Всероссийской партконференции в докладе “Очередные вопросы агитации и пропаганды” будет рассматриваться вопрос об отношении к антисоветским

партиям и течениям³⁹. Тезисы данного доклада были подготовлены Г.Е. Зиновьевым⁴⁰.

В это время деятели отечественной науки протестовали против уголовных преследований ученых по политическим мотивам. В защиту приговоренных по делу церковных деятелей Петрограда выступили известный правовед, автор многочисленных статей и книг по общим и частным юридическим вопросам профессор А.А. Жижиленко и будущий академик Д.Б. Рязанов⁴¹. Профессор уголовного права А.А. Жижиленко был известен как страстный пропагандист презумпции невиновности⁴². На этом процессе он защищал своего коллегу – профессора уголовного права Ю.П. Новицкого, а также профессоров богословия В.Н. Бенешевича и П.А. Карабинова и профессора Военно-юридической академии М.Ф. Огнева. По мнению государственного обвинителя на данном процессе, высшее образование подсудимых было обстоятельством, усугублявшим их вину⁴³.

На допросах в ГПУ в мае – ноябре 1922 г. профессора Ф.А. Степун, Н.О. Лосский, И.И. Лапшин, Л.П. Карсавин, А.С. Изгоев, И.Н. Куколевский показали, что относились к советской власти вполне лояльно, считали необходимой “непрерывную работу ученых людей на ниве народного просвещения”, отрицательно относились к саботажу и эмиграции, высказывались за “духовную неприемлемость большевистски – коммунистического мирозерцания”, многие критиковали реформы высшей школы, сочувственно относились к сменовеховцам⁴⁴. Историк С.П. Мельгунов заявил на допросе 5 июня 1922 г., что, не являясь принципиальным сторонником советской власти и той государственной системы, которую она строит, он, тем не менее, относился к ней лояльно⁴⁵. Любопытно, что в феврале того же года Президиум ВЦИК на основании ходатайства Академии наук постановил освободить Мельгунова из-под ареста и откомандировать его “для научных занятий”⁴⁶.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 а.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–28.

⁴¹ См.: Судебная расправа 1922 года: академик Рязанов против карательной практики большевиков // Вестник РАН. 1992. № 4. С. 112.

⁴² См.: Жижиленко А.А. Наказание и его отличие от других правоохранных средств. Пг., 1914; *Его же*. О безответственности народных представителей. Ярославль, 1909 и др.

⁴³ См.: “Дело” митрополита Вениамина. Пг., 1922. М., 1991. С. 12, 18, 64–65.

⁴⁴ См.: Макаров В.Г. Архивные тайны: интеллигенция и власть // Вопросы философии. 2002. № 10. С. 108–155.

⁴⁵ Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 127.

⁴⁶ Там же. С. 123.

³⁴ Главацкий М.Е. “Философский пароход”: год 1922-й. Историкографические этюды. Екатеринбург, 2002. С. 92–93.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 294. Л. 5.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 17. Л. 55–59.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 17. Л. 51–59.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 282. Л. 18.

Стоит заметить, что в опубликованном сообщении Исполкома Коминтерна о завершившемся судебном процессе над эсерами было обосновано важнейшее для советского политического режима положение о том, что “революционная власть далека от буржуазного обожания буквы закона”⁴⁷. На основании принятого политического решения органы госбезопасности перешли к активным действиям, так как Политбюро признало работу комиссии по высылке неудовлетворительной “как в смысле величины списка, так и в смысле его недостаточного обоснования”. ГПУ поручалось разработать индивидуальные меры в отношении интеллигентов, враждебно настроенных к Советской власти⁴⁸. Заместитель председателя ГПУ И.С. Уншлихт 18 августа 1922 г. направил В.И. Ленину утвержденные Политбюро “списки интеллигенции”, т.е. кандидатов на высылку по Москве, Петрограду и Украине⁴⁹.

Из письма Ф.Э. Дзержинского Уншлихту от 5 сентября 1922 г. следует, во-первых, что директивы по вопросам административной высылки шли от В.И. Ленина; во-вторых, ученые могли входить в каждую из групп, о которых вел речь руководитель ГПУ; в-третьих, в этой системе был заблаговременно создан отдел по интеллигенции, а главным специалистом по данному вопросу стал известный чекист Я. Агранов, с отъездом которого, сетовал Ф.Э. Дзержинский, нет лица, достаточно компетентного⁵⁰. 17 сентября 1922 г. В.И. Ленин просил Уншлихта вернуть списки “с заметками, кто выслан, кто сидит, кто (и почему) избавлен от высылки”⁵¹. 18 сентября 1922 г. Г.Г. Ягода возвратил В.И. Ленину списки антисоветской интеллигенции с комментариями о действиях, предпринятых в отношении высланных⁵².

Одновременно были предприняты пропагандистские усилия для разъяснения причин и обстоятельств депортации. В интервью Л. Брайант-Рид 30 августа 1922 г. Л.Д. Троцкий назвал высланных “политически ничтожными”, подчеркнув, что они – “потенциальное оружие в руках наших возможных врагов”. В случае военных осложнений, утверждал Троцкий, мы вынуждены будем расстрелять их по законам войны⁵³.

В опубликованной на следующий день статье “Первое предостережение” Л.Д. Троцкий пояс-

нял, что высланные по постановлению ГПУ наиболее активные контрреволюционные элементы из среды профессуры, врачей, агрономов, литераторов издевались над государством, которое не располагает необходимыми кадрами из числа своей собственной интеллигенции, и проводили политику “открытого и тайного саботажа”. Важно заметить, что в статье указывалось на высылку по решению административного органа – ГПУ, в качестве причины депортации назывался саботаж, причем под “тайный саботаж” можно было подвести любое проявление инакомыслия. Троцкий настаивал на том, что среди высланных нет крупных научных имен, “в большинстве это – политиканствующие элементы профессуры”⁵⁴.

Практическая деятельность по подготовке и осуществлению высылки интеллигенции была освещена в Циркулярном письме ГПУ от 23 ноября 1922 г., в котором указывалось, что “контрреволюционные элементы профессуры пытались и пытаются использовать кафедру высшей школы в качестве орудия антисоветской пропаганды”; профессура некоторых высших учебных заведений Москвы и Петрограда провела весной 1922 г. ряд забастовок, где наряду с экономическими требованиями были выдвинуты и требования автономии высшей школы, свободы профессорских и студенческих ассоциаций⁵⁵.

При начальнике секретно-оперативного управления ГПУ учреждалось особое бюро по административной высылке антисоветской интеллигенции. ГПУ настаивало на том, что административная высылка могла применяться к определенному лицу при возможности вменения ему какой-либо из статей Уголовного кодекса (57, 62–63, 69–70 – участие или пособничество антисоветским организациям, контрреволюционные выступления на съездах, конференциях и в печати и пр.) в случае, если материал недостаточен для предания дела суду. Считалось, что административные репрессии могут касаться главным образом видных деятелей антисоветской интеллигенции; “должны приниматься во внимание удельный вес данного лица в качестве научной и технической силы и степень его полезности для Советской республики”⁵⁶.

Из 116 кандидатов на высылку по 9 спискам, утвержденным Политбюро ЦК РКП (б) 10 августа 1922 г., профессоров и других деятелей науки было 64 человека (или 55%), что свидетельствует о преобладании представителей научного сооб-

⁴⁷ Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала. Справедливый приговор // Правда. 1922. 9 авг.

⁴⁸ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 287. Л. 18–19.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2603. Л. 1–1 об.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 303. Л. 1–3.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1245. Л. 1.

⁵² РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1245. Л. 2–6.

⁵³ См.: Троцкий Л.Д. Из беседы с Л. Брайант-Рид // Правда. 1922. 30 авг.

⁵⁴ Троцкий Л.Д. Первое предостережение // Правда. 1922. 31 авг.

⁵⁵ См.: “Философский пароход”. Высылка ученых и деятелей культуры из России в 1922 г. С. 166.

⁵⁶ Там же. С. 168–169.

щества⁵⁷. Среди высланных были не только гуманитарии, но и известные в то время представители инженерно-технической интеллигенции.

Так, в список кандидатов на высылку были включены профессора Московского высшего технического училища В.В. Зворыкин, Н.Р. Брилинг, И.И. Куколевский, профессора Института инженеров путей сообщения Т.П. Кравец, Н.Д. Тяпкин, профессор института им. К. Маркса Н.А. Изгарышев, целая группа “антисоветских инженеров”. Политбюро предлагало всех подвергнуть обыску, арестовать только тех, кто может скрыться, к остальным применить домашний арест⁵⁸.

Относительно итогов высылки стоит заметить, что по данным справочника “Наука в России” за 1922 г. только в Петрограде было зарегистрировано около 4 тыс. научных специалистов⁵⁹. Даже если предположить, что выслано было 500 деятелей науки и техники, с количественной точки зрения потеря не выглядит катастрофической. Однако высылались в административном порядке ученые, за каждым из которых стоял длительный опыт научно-исследовательской деятельности, часто руководство научными школами, ощущалась их востребованность в условиях оживления кооперативного движения, промышленности, торговли.

⁵⁷ Подсчитано по: Постановление Политбюро ЦК РКП(б) об утверждении списка высланных из России интеллигентов. 10 августа 1922 г. ПБ № 21/7. Приложения 1–9 // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 81–90.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 290. Л. 8.

⁵⁹ См.: Наука в России. Справочник. Данные к началу 1922 года / Сост. Комиссией “Наука в России” при РАН; под наблюд. С.Ф. Ольденбурга. М.–Пг., 1923. С. IV.

По вопросу о том, достигла ли высылка своей цели, в высшем советском руководстве существовали серьезные сомнения. 27 мая 1923 г. Ф.И. Держинский в письме И.С. Уншлихту и В.Р. Менжинскому обратил внимание на нецелесообразность практики массовых высылков, пояснив: “...массовые высылки вызывают у меня большие опасения”. По данному вопросу он считал необходимым войти с предложением в ЦК партии⁶⁰.

В юридической литературе высылка лиц, подстрекающих к общественным беспорядкам, в другие районы страны во время режима чрезвычайного положения обосновывается как пример репрессивного метода государственно-правового регулирования⁶¹. Критики данной точки зрения обращают внимание на то, что в данном примере речь идет о применении санкции за нарушение предписаний и запретов, т.е. об императивных методах правового регулирования⁶². В случае высылки 1922 г. не действовал режим чрезвычайного положения, сама высылка осуществлялась в большей степени за пределы страны; высланные в условиях нэпа не занимались подстрекательством к общественным беспорядкам. Представляется, что данный вариант высылки вполне может быть отнесен к репрессивным методам государственно-правового регулирования, которые апробировались в 20-е годы и активно использовались в последующий период.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 150. Л. 20.

⁶¹ См.: Чиркин С.В. Конституционное право в Российской Федерации. М., 2001. С. 29.

⁶² Конюхова И.А. Конституционное право Российской Федерации. М., 2003. С. 66.